

**ЭЛИМИНИРОВАНИЕ ЭМОТИВНЫХ ЛАКУН В
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Е.А. Хорошева

*Кандидат культурологии,
доцент кафедры теории речи и перевода
e-mail: Katerina-Skoptsova@yandex.ru*

Е.В. Савина

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории речи и перевода
e-mail: Elena-Savina@yandex.ru*

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева*

Компаративный анализ текста романа французского писателя А. Труайя «Les Eugletière» и его перевода на русский язык позволили оценить достоинства, недостатки и изъяны предложенных переводчиком вариантов передачи культурных лакун, доказав не только теоретическую, но и практическую возможность элиминирования эмотивных лакун в тексте художественного произведения.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, культурная лакуна, эмотивная лакуна, иноязычная реалия, элиминирование, делакунизация.*

В современном многонациональном мире проблемы взаимопонимания представителей различных культур, коммуникативных провалов и культурных столкновений, трудности поиска наилучшей стратегии межкультурного диалога базируются на существовании огромных культурных различий, которые обуславливают феномен лакунарности. Являясь проявлением национальной самобытности, лакуна выступает главным препятствием взаимодействия разных культур. У общества возрастает необходимость в осознании и объяснении явления лакуны.

Актуальность данного вопроса определяется недостаточным числом работ, посвященных способам элиминирования лакун. Тема лакунарности также актуальна для современной России по причине изменений коммуникативной деятельности, происходящих во всех сферах общественной жизни. Образование единого информационного и культурного пространства посредством межкультурного общения возможно лишь при объективном понимании наличия феномена лакуны и освоении основных стратегий ее элиминирования.

Данная статья посвящена проблемам взаимодействия языка и культуры, вопросам эмоций и эмотивности, а также исследованию явления лакунарности в целом. В ней анализируется функционирование культурных эмотивных лакун в художественном произведении и рассматриваются способы их элиминирования в тексте перевода.

В изучении лакун следует выделить следующие стороны исследования: философскую, лингвистическую, этнопсихолингвистическую и культурологическую. Для нас наибольший интерес представляет лингвокультурологический аспект феномена лакунарности.

Учитывая культурологическую позицию, можем отметить, что лакуна возникает вследствие культурных отличий разных народов, которые формируются в процессе зарождения и развития любой этнографической культуры. Взаимоотношения и любая деятельность людей зависят от существующих в каждой культуре правил, определяющих способ поведения и мышления человека во всех сферах жизнедеятельности и влияющих на образ познания [Гришаева 2004: 97]. Каждый участник межкультурного общения владеет социокультурными поведенческими моделями взаимодействия в родной культуре, закрепленными в разуме и оказывающими влияние на каждую проводимую коммуникацию. Таким образом, можно предположить, что участвующие в межкультурном диалоге не располагают общим запасом знаний. По мнению Е.Г. Проскурина и Е.В. Поляковой, в результате того, что представитель чужой культуры не обладает определенной когнитивной информацией, появляется лакуна. Поэтому при сравнении двух когнитивных основ определенных лингвокультурных групп просматриваются лексемы, которые имеют место в одной когнитивной базе, но не наблюдаются в другой [Проскурин 2004: 7, Полякова 2010: 102].

Согласно А.А. Махониной, неизвестное явление, отсутствующее в привычной реальности и нуждающееся в подробных разъяснениях, препятствует установлению межкультурного контакта [Махонина 2005: 46]. Мы склоняемся к общепринятой точке зрения о том, что лакуна, как предмет восприятия, представляет собой затруднение для межкультурной коммуникации, препятствует полноценному диалогу (см.: [Кабакчи 1993, Дулганова 2003, Гришаева, Попова 2004]).

В.Н. Дулганова выдвигает предположения о происхождении помех в межкультурном диалоге. По мнению исследователя, во время коммуникации с представителями других культур именно лакуны создают культурно-прагматические помехи, возникающие вследствие неправильной интерпретации культурных особенностей. Согласно ее идее, культурно-прагматические помехи появляются в общении в тот момент, когда субъект воспроизводит посредством символов системы языка

специфический для данной культуры контекст образа действий и вынуждает собеседника отзываться согласно речевой ситуации [Дулганова 2003: 14]. Этот контекст возникает благодаря «маркерам культурной ориентации», отражающим, с точки зрения В.В. Кабакчи, явления, обычаи и социальные учреждения, которые являются отличительной чертой конкретной культуры и поэтому не существуют в других странах [Кабакчи 1993: 71].

Следуя за В.Н. Дулгановой, Л.И. Гришаева и М.К. Попова разработали следующие виды коммуникативных помех, фигурирующие в ходе межкультурного диалога: участники коммуникативной ситуации могут испытывать физиологические, языковые, поведенческие, психологические и культурологические помехи. Так, например, появление языковых помех происходит из-за ошибочного понимания смысла лексем чужого языка, неспособности оценить весь текст целиком; поведенческие помехи вызваны различиями в модели поведения и направленности сознания, не совпадающими с поведенческими реакциями в ответ на заявление собеседника. Культурологические помехи, в свою очередь, можно мотивировать расхождениями в менталитете и национальном своеобразии характеров, несхожестью в образах, отражающих окружающий мир посредством языка (смысловой диссонанс сообщения, различия в коннотативном плане и т.п.) [Гришаева, Попова 2004: 122].

Исследователи признают существование коммуникативного конфликта, причиной которого являются разного вида помехи. Под коммуникативным конфликтом подразумевается не только несомненное взаимонепонимание собеседников, но и имплицитные несовпадения в распознавании смысла отдельных лексем и текста, в частности, которые в дальнейшем могут всплыть во время практической деятельности. Следует отметить, что А. Вежбицкая также отмечала лингвокультурный конфликт двух разных «подходов к жизни», двух «ориентаций» [Вежбицкая 2001: 47].

Е.Ф. Тарасов утверждает, что в основе возникновения взаимонепонимания между представителями разных культур лежит не лингвистический фактор, то есть несходство языков, а расхождение в национальном способе мышления собеседников, в результате которого происходят нарушения и колебания [Тарасов 1996: 8]. Н.В. Дмитриук, Н.А. Сандыбаева, Г.А. Ахметжанова поддерживают точку зрения Е.Ф. Тарасова об отличительном разнообразии национальных способов мышления носителей культур как первопричине появления трудностей при межкультурном диалоге [Дмитриук, Сандыбаева, Ахметжанова 2008: 35].

М.М. Ягунова, проведя анализ словаря «Collin P.H. Dictionary of Leisure, Travel and Tourism» («Лексика досуга, путешествий и туризма»), приходит к выводу, что не только национальная действительность, но и

сам язык в равной степени влияют на наличие или отсутствие лексемы для обозначения того или иного понятия [Ягунова 2016: 176].

Проблематикой лакунарности в ракурсе ее элиминирования при переводе занимались С.И. Влахов и С.П. Флорин (1986), Г.Д. Томахин (1988), Е.В. Савина (2002) и другие исследователи (см.: [Влахов, Флорин 1986, Томахин 1988, Савина 2002]).

С.И. Влахов и С.П. Флорин предлагают следующие объяснения трудностям, возникающим при передаче лакун:

1) неимение в языке перевода эквивалента в результате отсутствия переводимого явления в языке носителей иной культуры;

2) важность передачи коннотации, то есть национальной и исторической окраски текста [Влахов, Флорин 1986: 80–86].

Следует отметить, что большинство исследователей занимают различные позиции по отношению к тому, каким способом следует переводить лакуны. Например, С.И. Влахов и С.П. Флорин рекомендуют использование только транскрипции и транслитерации, аргументируя тем, что первоочередная задача переводчика – это передача специфики авторского стиля посредством языка перевода [там же].

Е.В. Савина причисляет к общепризнанным переводческим приемам такие способы передачи лакун, как «материальное заимствование», калькирование, описательный перевод, приближенный перевод, комбинированный способ [Савина 2002: 122–124].

В нашей статье в процессе элиминирования лакун мы придерживаемся мнения Г.Д. Томахины. Вслед за исследователями мы будем рассматривать процесс делакунизации (синоним к слову «элиминирование») с позиции следующих переводческих приемов: транскрипция, транслитерация, опущение, освоение, введение неологизмов, комментарии и примечания, калькирование, гипонимический, приблизительный, описательный, контекстуальный и трансформационный переводы [Томахин 1988: 31].

С точки зрения методологии, данная работа базируется на когнитивном методе исследования и методе контент-анализа, что позволило описать и объяснить ряд переводческих аспектов элиминирования лакун в наиболее полном объеме. В соответствии с когнитивным методом процесс делакунизации воспринимается авторами как отражение существующей в сознании носителей языка картины мира, как материал для изучения национальной, социумной ментальности. Метод контент-анализа раскрывается через качественно-количественный анализ содержания культурных эмотивных лакун и их передачу на русский язык в ракурсе выявления определенных фактов и тенденций.

Материалом настоящего исследования послужил текст оригинала романа французского писателя Анри Труайя «Les Eygletière» (1965–1967) [Troyat 1970] и его перевод, выполненный Н. Столяровой [Труайя 1970].

Культурные эмотивные лакуны (в нашей работе термин-синоним – реалия) романа А. Труайя «Les Euglétière» можно градировать на:

- этикетные лакуны,
- лакуны-национальные блюда,
- лакуны-имена собственные,
- лакуны-прозвища [Агафонова, Скопцова 2018].

Разработанная типология культурных эмотивных лакун послужила основой для описания способов их элиминирования при переводе.

Элиминирование этикетных лакун

1. "...- *Veux-tu prendre le volant?*

- *Non, dit Jean-Marc.*

- *Eh bien! prends-le tout de même, mon vieux!...*" [Troyat 1970: 40]

(здесь и далее разрядка наша. – Е.Х., Е.С.).

«...- *Хочешь вести машину?*

- *Нет, - ответил Жан-Марк.*

- *И все же, дружок, тебе придется сесть за руль...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 50].

Лексема *mon vieux* имеет дефиницию «старина, дружище» [Гак 2003: 1151]. Следует обратить внимание на то, что в русской культуре данные апеллятивы характеризуют отношения между друзьями. Переводчик Н. Столярова отказывается от словарной дефиниции и использует контекстуально подходящий вариант *дружок*, так как в диалоге участвуют отец и сын. Из сказанного следует, что переводческим приемом, употребленным в конкретном случае, является контекстуальный перевод.

2. ...- *Monsieur Jean-Marc a-t-il déjà dîné ou dois-je le servir? demanda - Mercedes...* [Troyat 1970: 59] – ...- *Месье Жан-Марк уже пообедал или я должна обслужить его? - раздраженно спросила Мерседес...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 80].

Переводчик применяет транскрипцию при передаче французской реалии *monsieur*, не учитывая ироничной окраски, которую несет в себе эта лексема. Для русскоязычных читателей *месье* указывает на официальное обращение в деловой сфере Франции. И, возможно, в данном случае для полной передачи коннотативного значения культурной лакуны приема транскрипции недостаточно.

3. - ...- *Madame est servie...* [Troyat 1970: 25] – ...- *Кушать подано!...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 29].

Madame est servie – фраза, с помощью которой обслуживающий персонал объявляет, что можно пройти к столу для трапезы. Переводчик заменяет данную реалию русской фразой, которую употребляют в идентичной ситуации. Следовательно, при помощи трансформационного перевода реализовано коммуникативное намерение оригинала.

4. ...*Elle recopia le texte avec application et marqua comme adresse celle des Langues Orientales, avec mention: «Prière de faire suivre»...* [Troyat 1970: 57] – ...*Она старательно переписала на нее свои две фразы, указала адрес Института восточных языков и добавила: «Просьба переслать по домашнему адресу»...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 78].

Для культурного пространства Франции характерен факт присутствия на конвертах пометы *prière de faire suivre*, означающей, что его следует переслать по месту фактического нахождения адресанта. Поскольку в российской действительности данное явление отсутствует, Н. Столярова использует приблизительный перевод – *просьба переслать по домашнему адресу*.

Итак, на основе приведенных примеров можно утверждать, что этикетные культурные лакуны, выявленные в тексте романа А. Труайя «*Les Eugletière*», представляют определенную сложность для передачи на язык перевода, и поэтому переводчик вынужден прибегать к различным переводческим трансформациям (контекстуальный, приблизительный, трансформационный переводы и транскрипция).

Элиминирование лакун-национальных блюд

Блюда и напитки несут национальный колорит, своеобразие, несхожесть и указывают на ментальное различие народов. Следовательно, переводчики должны иметь культурологические знания и уметь донести до сознания реципиента значение новых необычных явлений культуры.

1. ...*Dans une salle tapissée de feutre une dizaine de convives, assis à de petites tables, parlaient à voix basse en dégustant des nourritures. Carole commanda un croque-monsieur...* [Troyat 1970: 67] – ...*В тесном баре, обитом войлоком шафранного цвета, около десятка посетителей, сидя за маленькими столиками, вполголоса беседовали друг с другом и лакомились изысканными кушаньями. Кароль попросила горячий сэндвич, запеченный с сыром...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 84].

Как указывает словарь, французское блюдо *croque-monsieur* – это *горячий сэндвич с сыром и ветчиной* [Гак 2003: 268]. Переводчик выбирает описательный перевод для передачи этого блюда, чтобы глубже погрузить читателя во французское культурное пространство и дать ему некоторое представление о французской кухне. Н. Столярова отвергает переводческий прием транслитерации, так как название блюда не вызвало бы никакого ассоциативного ряда у русскоязычного реципиента.

2. ...*Et il commanda un scotch avec de la glace...* [Troyat 1970: 68] – ...*И заказал себе виски со льдом...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 84].

Отличие скотча и виски состоит в том, что скотчем может называться только тот напиток, который был изготовлен и разлит на винокурнях Шотландии, все остальные аналогичные напитки, приготовленные по любым рецептам, но за пределами Шотландии, имеют

право на название виски [Уолтон 2004: 98]. Такие нюансы могут быть известны хорошо разбирающимся в области виноделия, но не всем читателям. Поэтому Н. Столярова решает передать лексему *scotch* гипонимическим переводом – *виски*.

3. ...*Françoise apporta les crêpes, arrosées de Grand Marnier et couronnées d'un petit incendie bleuâtre...* [Troyat 1970: 99] – *Пока Франсуаза меняла тарелки, она принесла стопку облитых ликером блинов в кольце трепещущего синеватого пламени...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 131].

Культурная реалия *Grand Marnier* не дает никакого семантического представления для русскоязычного реципиента, так как он не знаком с данным продуктом. По этой причине переводчик опускает название напитка и использует генерализирующее для данной марки алкоголя слово *ликер*, тем самым реализуя гипонимический перевод.

4. ...- *Tu prépares des crêpes? dit-elle. Quelle bonne idée! N'oublie pas d'y mettre du kirsch!...* [Troyat 1970: 96] – ...- *Ты печешь блины? Вот здорово! Только не забудь добавить в тесто вишневки!...*» (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 126].

В конкретном примере употреблена переводческая трансформация освоения, так как Н. Столярова заменяет французскую единицу языка *kirsch*, подразумевающую крепкий алкогольный напиток киршвассер [Уолтон 2004: 46], на понятную для русскоязычного человека лексему *вишневка*. Следовательно, происходит адаптация иноязычной реалии к российской действительности.

5. ...*A midi elle buvait une goutte de calvados...* [Troyat 1970: 3] – ...*В полдень выпивала глоток кальвадоса...*» (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 7].

Calvados – яблочный или грушевый бренди из французского региона Нормандия, получаемый путем перегонки сидра [Уолтон 2004: 20]. Можно предположить, что не все русскоязычные читатели знакомы с данным французским напитком. Поэтому транслитерация, используемая переводчиком в этом случае, является недостаточной для полного понимания реципиентом реалии иной культуры.

6. ...*Il avait un de ces pâtés de campagne!...* [Troyat 1970: 6] – ...*Там продается чудесный деревенский паштет!...*» (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 11].

В словарной статье зафиксировано несколько значений французской лексемы *pâtés* – «пирог, кулебяка (с мясом, рыбой)» или «паштет» [Гак 2003: 790], а также слова *campagne* – «поле, равнина»; «сельская местность, деревня»; «поход, кампания» [Гак 2003: 158]. При переводе Н. Столярова употребляет прямое соответствие лексемы *pâtés* – *паштет* и

производит замену французского существительного *campagne* на русское прилагательное *деревенский*.

7. ...*Au salon Carole fit servir le café pour les autres et une tisane pour elle-même...* [Troyat 1970: 59] – ...*Аньес принесла кофе для всех и липовый отвар для Кароль...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 80].

Согласно «Новому французско-русскому словарю», единица языка *tisane* имеет следующие значения: «отвар, целебный настой из трав, снадобье» [Гак 2003: 1089]. Липовый отвар считается лечебным, является одним из средств народной медицины и применяется от многих болезней. Возможно, именно этими сведениями руководствовалась Н. Столярова, реализуя приблизительный перевод при передаче реалии, так как в словаре не указано, что данная лексема означает отвар, полученный именно из цветков липы.

8. ...- *Une «coupe Jack» garnie de crème Chantilly, dit-elle au garçon* [Troyat 1970: 69]. – ...- *Вот чего мне хочется! – воскликнула Кароль. – Мороженого с вареньем и со взбитыми сливками...*» (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 86].

Coupe Jack – est un dessert de cuisine classique, à base d'une boule de glace vanille, entourée de macédoine ou de salade de fruits et surmontée de crème chantilly [Gastronomiac [http](http://www.gastronomiac.com)] – 'классический десерт, состоящий из шарика ванильного мороженого, окруженного смесью нарезанных кубиками овощей и зеленых бобов или фруктовым салатом, который подают со взбитыми сливками' (перевод наш. – Е.Х., Е.С.). Так как русскоязычный реципиент не встречался с подобным десертом французской кухни, Н. Столярова использует описательный перевод для передачи этой культурной реалии. Однако в переводе указано «мороженое с вареньем и со взбитыми сливками», но, как сказано выше, данный десерт подается не с вареньем, а со смесью нарезанных кубиками овощей и зеленых бобов или фруктовым салатом, поэтому этот перевод можно считать не совсем точным.

9. ...*il en tira des verres et deux bouteilles d'apéritif...* [Troyat 1970: 72] – ...*взял стаканы и две бутылки аперитива* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 90].

Дефиниция данного слова знакома большинству русскоязычных носителей, поэтому в данном случае переводчик использует прием транскрипции.

10. ...*Françoise accepta un verre de Banyuls...* [Troyat 1970: 72] – *Франсуаза согласилась выпить вина...*» (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 90].

Руссильонское вино Баньюльс – натуральное сладкое вино с прерванным брожением, оно изготавливается преимущественно из виноградного сорта Гренаш [Уолтон 2004: 88]. Полагая, что сорт вина Баньюльс не вызовет никаких ассоциаций у русскоязычного читателя,

переводчик решает опустить название и использовать генерализирующее слово *вино*, применяя гипонимический перевод.

11. *...Et toi, Daniel, monte-moi de la cave deux bouteilles de Chablis...*" [Troyat 1970: 117] – *...А ты, Даниэль, принеси из погреба две бутылки шабли...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 148].

Шабли – сорт белого сухого виноградного вина из одноименного региона в Центральной Франции [Уолтон 2004: 111]. Переводчик принимает решение сохранить в переводе название сорта вина и употребляет транскрипцию французской лексемы – *шабли*. Однако, исходя из перевода, читатель не понимает, к какому виду алкогольной продукции относится данная марка, что является переводческим упущением.

12. *...- Moi, je vais couper les croûtons!...* [Troyat 1970: 112] – *...- Ну, а я буду нарезать хлеб* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 143].

Французская лексема *croûton* переводится на русский язык как гренок [Гак 2003: 269]. Из контекста можно понять, что говорящий желает сделать бутерброд. Так как в России бутерброд готовят с помощью хлеба, а не гренок, Н. Столярова применяет переводческий прием освоения и переводит *croûtons* как *хлеб*.

Итак, в ходе исследования лакун-национальных блюд из текста романа А. Труайя «*Les Eugletière*» было установлено, что при переводе реалий данного типа Н. Столярова отдает предпочтение транслитерации и транскрипции, передавая лишь фонетическую или буквенную оболочку слова. Также были использованы освоение, приблизительный, описательный и гипонимический переводы.

Элиминирование лакун-имен собственных

В современном переводоведении существует несколько принципов для передачи имен собственных на иностранный язык: принцип благозвучия, принцип учета национально-языковой принадлежности имени, принцип исторической традиции и др. [Ермолович 2001]. Выбор способа перевода зависит от стоящей перед переводчиком задачи, то есть переводческой прагматической установки. В данном случае речь идет о художественном произведении, следовательно, в основе оценки перевода лежит фактор адекватности эстетического воздействия оригинала и перевода. В тексте художественного произведения внутренняя форма имени собственного создает определенный художественный образ, для раскрытия которого переводчику необходимо, в первую очередь, обратить внимание на репрезентацию эмоционально-экспрессивной функции.

1. *...Fait par moi, Jean Gillot, pour M. l'abbé Eros, l'an de grâce 1783...* [Troyat 1970: 3] – *...Сработано мною, Жаном Гуйо, для кюре нашего прихода господина аббата Эроса в лето от Рождества Христова 1783...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 7].

В конкретном случае Н. Столярова использует для передачи на русский язык французских имен собственных *Jean Gillot* и *M. Eros*

транскрипцию – *Жан Гийо, господин Эрос*. Данное переводческое решение мотивировано тем, что эти лакуны не несут никакой ассоциативной и эмотивной нагрузки для русскоязычного читателя, поэтому было достаточно передать лишь их фонетическую оболочку.

Следует отметить также другие случаи лакун-имен собственных, в которых была применена аналогичная переводческая трансформация – транскрипция:

2. ...*Hubert avait été tué à Dunkerque...* [Troizat 1970: 3] – ...*Юбер убит под Дюнкерком* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 8].

Во втором примере при переводе топонима *Dunkerque* в соответствии с контекстом можно было бы добавить переводческий комментарий для разъяснения названия войны, которая происходила в эти годы в данном городе и на которой был убит протагонист романа.

3. ...*Rue Bonaparte, la cour d'honneur était de nouveau très encombrée...* [Troizat 1970: 11] – ...*В доме на улице Бонапарта парадный двор был забит машинами...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 16];

4. ...*et proposa d'aller dans un endroit sympathique qu'elle connaissait «genre anglais», derrière le boulevard Saint-Michel...* [Troizat 1970: 12] – ...*и предложила пойти в уютное кафе в английском стиле близ бульвара Сен-Мишель ...»* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 18];

5. ...*tu m'emmenais camper avec toi dans la forêt de Fontainebleau...* [Troizat 1970: 21] – ...*ты брала меня с собой в лес Фонтенбло* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 25];

6. ...*Ils l'installèrent à l'hôtel Monet...* [Troizat 1970: 27] – ...*Они устроили ее в отеле «Моне» ...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 31];

7. ...*La circulation de Paris était si intense que jusqu'à son arrivée place Saint-Germain-des-Prés...* [Troizat 1970: 32] – ...*Ехать по Парижу было так трудно, что до самой площади Сен-Жермен-де-Пре...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 39];

8. ...*Un air de flûte, joyeux et frais entra dans la voiture. Du Vivaldi, sans doute, pensa Jean-Marc...* [Troizat 1970: 35] – ...*В машину ворвался радостный, светлый голос флейты. Кажется, Вивальди, подумал Жан-Марк...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 45];

9. ...*Son choix se porta sur la symphonie en ut mineur de Beethoven...* [Troizat 1970: 45] – ...*Наконец остановился на до-минорной симфонии Бетховена ...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 56];

10. - ...*Où allez-vous cette année?*

- *Toujours à Chamoni...* [Troizat 1970: 51] –

...*Куда вы собираетесь в этом году?*

- *Как всегда, в Шамони ...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 70];

11. ...*Tu ne crois pas qu'on trouverait un dictionnaire russe-français à Deauville?*... [Troyat 1970: 56] –...*Как ты думаешь, можно раздобыть в Довиле русско-французский словарь?*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 77];

12. ...- *On va au «Soufflot»? proposa Didier*... [Troyat 1970: 79] – ...- *Пошли в «Суффло»? – предложил Дидье*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 98];

13. *pendant elle lui donna rendez-vous pour le dimanche suivant, vers onze heures, au manège Legouvé à Neuilly* [Troyat 1970: 83] – ...но все же назначила свидание на следующее воскресенье около одиннадцати утра в манеже *Легуве в Нейи*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 109–110];

14. ...*Didier était parti pour Périgord chez des cousins*... [Troyat 1970: 100] – ...*Дидье уехал в Перигор к родственникам*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 127].

В процессе делакунизации представленных имен собственных Н. Столярова использовала переводческую трансформацию транскрибирования, передавая лишь фонетическое звучание иностранного слова, но не семантическое и когнитивное значение. В некоторых случаях можно согласиться с таким подходом, но при элиминировании лакун-топонимов (*Chamonix, Deauville, Périgord*) или названий улиц, площадей, лесных массивов (*Rue Bonaparte, boulevard Saint-Michel, forêt de Fontainebleau, place Saint-Germain-des-Prés*), на наш взгляд, следовало добавить переводческий комментарий с указанием местоположения данного города или отличительной особенности данного места. Такой комментарий помог бы более глубоко проникнуть в культуру другого народа.

15. ...- *Au «Flore», dit Françoise*... [Troyat 1970: 12] – ...- *В кафе «Флора», - ответила Франсуаза*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 17].

Для передачи лакун-имен собственных переводчик отходит от своего основополагающего переводческого приема – транскрипции – и использует описательный перевод. Н. Столярова передает французскую лексему *Flore* как «Флора», в данном случае оба слова имеют практически идентичное звучание, и для более полного понимания ситуации русскоязычным читателем добавляет экспликацию, что данное место – кафе.

16. ...*Certainement il avait remarqué le numéro de Calvados*... [Troyat 1970: 32] – ...*Разумеется, он заметил номерной знак департамента Кальвадос*... (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 39].

Н. Столярова применяет описательный перевод – *департамент Кальвадос*, акцентируя внимание на определительном слове *департамент*,

чтобы не ввести русского реципиента в заблуждение относительно лакуны *Кальвадос*, которая также может означать алкогольный напиток.

17. *...Patrick avait acheté un Guide Bleu...* [Troyat 1970: 53] – *...Патрик купил туристский путеводитель...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 74].

«Guide Bleu» – серия путеводителей на французском языке [Библиотека иностранной литературы]. Переводчик использует описательный перевод «туристский путеводитель», нарочито опуская название данного путеводителя, так как оно не несет никакой эмоциональной или семантической нагрузки для русскоязычного читателя.

18. *...Il l'ouvrit: c'était un disque: «Gaspard de la nuit» de Ravel...* [Troyat 1970: 71] – *...Вскрыв его, он увидел пластинку «Ночные видения» Равеля...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 88].

Существует два варианта перевода трехчастной фортепианной сюиты М. Равеля: буквальный перевод «Ночной Гаспар» и традиционный перевод «Ночные видения» [Картаслов.ру]. Н. Столярова выбирает традиционный вариант, применяя трансформационный перевод.

19. *...Place François Ier, la plaque de cuivre du «Cabinet Eygletière» luisait, bien astiquée au soleil...* [Troyat 1970: 138] – *...На площади Франциска I издали была видна медная, хорошо начищенная и сверкающая на солнце табличка: «Контора Эглетьера»...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 178].

Элиминируя данную лакуну-имя собственное, Н. Столярова руководствуется переводческой традицией, согласно которой имя короля династии Валуа François I должно передаваться на русский язык как Франциск I.

Итак, в художественном произведении имена собственные несут эмоционально-экспрессивную функцию, которую трудно репрезентировать путем применения такого переводческого приема, как транскрипция или транслитерация. Используя транскрипцию, переводчик передает в большинстве случаев лишь звуковую форму слова, не затрагивая его значения. Именно поэтому для обеспечения корректной делакунизации имен собственных следует вводить в текст описания и комментарии.

Элиминирование лакун-прозвищ

Как показал компаративный анализ текста оригинала романа А. Труайя «Les Eygletière» и его перевода, неофициальные антропонимические категории, то есть прозвища, составляют особую труднопереводимую группу культурных лакун.

1. *...- Tu as fait, ma poupée! dit Lucie en reprenant Angélique...* [Troyat 1970: 50] – *...- Ты проголодалась, детка! – сказала Люси, беря на руки Анжелику...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 64].

Первое значение французской лексемы *roupée* – «кукла» [Гак 2003: 853]. Во французском языке это слово используется в качестве ласкательного прозвища для маленьких детей. Так как русская семантика слова *кукла* не в полной мере соответствует значению данной французской лексемы, Н. Столярова применяет переводческую трансформацию освоения и использует диминутив, который употребляется в похожей ситуации по отношению к ребенку – *детка*.

2. ...*On pourrait tout de même faire une virée dans la forêt, avec la Madou. La Madou ! L'amadou ! Je ne t'appellerai plus autrement ! Tu es «l'amadou» de la famille. Quand tu arrives tout s'allume!...* [Troyat 1970: 103] – ...*Мы могли бы проехаться в лес с нашей Мадю. От безделья по мру...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 135].

Данная ситуация очень сложна для передачи на русский язык, так как в ней присутствуют элементы каламбура: прозвище *l'amadou* образовано на основе редуцированного имени собственного персонажа *la Madou*. Французская лексема *amadou* означает «трут», и поскольку с помощью трута разводят огонь, протагонист романа Даниэль утверждает, что там, где его тетка *la Madou*, всегда светло. Переводчик решает изменить всю коммуникативную ситуацию и обыгрывает ее, добавляя словосочетание, рифмующееся с именем Мадю – *от безделья по мру*. Чтобы адаптировать данную ситуацию, Н. Столярова использует освоение, игнорируя семантическую эквивалентность, но сохраняя игру слов.

3. ...- *Essayez d'en faire autant. Vous crevez de rage, parce que vous n'y arrivez pas ! Sais-tu comment j'appelle Jean-Marc, Madou? «J'en ai Marc...». Et Carole, parce qu'elle fait tout le temps la cuisine, «Casserole»...* [Troyat 1970: 103] –...- *А вы попробуйте сами что-нибудь придумать, – возразил Даниэль. – Просто вы лопаетесь от зависти, потому что у вас ничего не получается!...* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 135].

Этот пример, как и предыдущий, основан на лакунах-прозвищах, образованных от имен собственных: *Jean-Marc* – *J'en ai Marc*, *Carole* – *Casserole*. Под словосочетанием *J'en ai Marc*, построенным на фонетическом сходстве с именем собственным *Jean-Marc*, А. Труайя подразумевает идиоматическое выражение *j'en ai marre*, означающее «мне надоело, осточертело, приелось, хуже горькой редьки» [Гак 2003: 668], а лексема *Casserole* рифмуется с *Carole* и переводится как «кастрюля» [Гак 2003: 171]. Не имея возможности передать данную игру слов на русский язык, Н. Столярова использует опущение всей ситуации, связанной с данными лакунами-прозвищами. Вследствие этого русскоязычный читатель теряет значимый отрывок из произведения, который несет важную эмоционально-семантическую нагрузку.

4. ...*Daniel l'avait surnommé «Fa dièse» parce qu'il était «le plus près du sol»*... [Troyat 1970: 144] – ...*Коротконогий, с застывшим взглядом, подвижным ртом и усами в виде двух зажатых, Мушино ко всем своим достоинствам брызгал слюной, когда разговаривал* (пер.: Н. Столярова) [Труайя 1970: 184].

Фа-диез мажор – мажорная тональность с тоникой фа-диез имеет шесть диезов при ключе и равна соль-бемоль мажору [Картаслов.ру]. Можно наблюдать, как обыгрывается французская лексема *sol*, которая означает одновременно и «почву», и «соль (нота)». Однако Н. Столярова передает только первое значение и переводит *le plus près du sol* как «коротконогий», опускает само прозвище и связанный с ним музыкальный подтекст.

Итак, при передаче данного типа культурных реалий переводчик применяет прием освоения либо вовсе опускает прозвища ввиду их непереводаемости на русский язык.

Анализ лакуарности показал, что данное явление, как совокупность культурных коннотаций и ассоциаций в процессе межкультурной коммуникации, отражает особенности национальной картины мира.

В процессе сопоставительного исследования текста романа А. Труайя «*Les Eygletière*» и его перевода на русский язык были определены, описаны и проанализированы переводческие решения, направленные на элиминирование различных видов культурных лакун. Следует отметить, что вследствие определенных просчетов и ошибок переводчика элиминирование культурных эмотивных лакун было реализовано не полностью, что привело к потерям образно-символических компонентов транслем, национального колорита и эмотивных компонентов единиц перевода. В результате текст перевода для русскоязычных читателей стал менее выразительным и ярким.

Таким образом, осуществленное исследование позволило прийти к теоретическим заключениям, способствующим не только оптимизации межкультурного взаимодействия, но и выявлению теоретико-методологических основ лакунологии как науки о лакуне и ее типах.

Предложенная система изучения культурной эмотивной лакуарности художественного текста в виде культурных эмотивных лакун в тексте оригинала, а также способы их элиминирования могут быть учтены и применены при анализе и переводе с французского на русский язык художественных произведений с высоким уровнем присутствия единиц с яркой национально-культурной окраской.

Библиографический список

Агафонова В.А., Скопцова Е.А. Функционирование культурологических и эмотивных лакун в тексте романа А. Труайя «Семья

Эглетьер» // Иностранные языки в диалоге культур. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. С. 729–736.

Библиотека иностранной литературы [Электронный ресурс]. URL: https://catalog.libfl.ru/Record/BJVVV_429562/Exemplars (дата обращения: 14.05.2019).

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Высш. шк., 1986. 416 с.

Гак В.Г., Ганишина К.А. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. язык-медиа, 2003. 1195 с.

Гришаева Л.И. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч.1. 218 с.

Гришаева Л.И., Попова М.К. Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности: монография в 2 ч. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 2. 316 с.

Дмитрюк Н.В., Сандыбаева Н.А., Ахметжанова Г.А. Этнокультурный компонент лексической лакунарности // Лакуны в языке и речи: сб. науч. трудов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. №4. С. 34-42.

Дулганова В.Н. Прагматический аспект межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культ. Улан-Удэ, 2003. 20 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р. Валент, 2001. 200 с.

Кабакчи В.В. Английский язык межкультурного общения: учеб.-справ. пособие. СПб.: Образование, 1993. 200 с.

Картаслов.ру – карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 15.05.2019).

Махонина А.А. Опыт типологии межъязыковых лакун // Лакуны в языке и речи. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. Вып. 2. С. 45–55.

Полякова Е.В. Лакунарность этических концептов в английской и русской национальных концептосферах // Вестник ТГПИ. 2010. № 2. С. 102–107.

Проскурин Е.Г. Когнитивная лакунарность текста как проблема межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 18 с.

Савина Е.В. Способы передачи слов-реалий // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 120–124.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Изд-во «Эйдос», 1996. С. 7–22.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению. М.: Высш. шк., 1988. 239 с.

Уолтон С. Энциклопедия крепких спиртных напитков. М.: Изд-во ЗАО «БММ», 2004. 128 с.

Ягунова М.М. Проблема лингвистической лакунарности: опыт выделения и описания межъязыковых лакун // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Изд-во «Институт стратегических исследований», 2016. № 1-1. С. 173–176.

Gastronomiac [Электронный ресурс]. URL: https://www.gastronomiac.com/lexique_culinaire/jack-coupe/ (дата обращения: 09.05.2019).

Источник примеров

Труайя А. Семья Эглетьер / пер. с франц. Н. Столяровой. М.: Прогресс, 1970. 802 с.

Troyat H. Les Eygletière. Paris: J'ai lu, 1970. 650 p.